

В полях / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

В полях / новелла В ПОЛЯХ

Октаву Мирбо.

Две хижины стояли рядом у подножия холма, близ маленького курортного городка. Два крестьянина упорно трудились, обрабатывая плодородную землю, чтобы вырастить всех своих малышей. В каждой семье было по четверо ребят. С утра и до вечера детвора копошилась у дверей хижин. Двоим старшим было по шести лет, а двоим младшим – по году с небольшим: браки, а затем и рождения происходили в том и другом доме почти одновременно.

Обе матери едва различали своих детей в общей куче, а отцы и вовсе смешивали их. Восемь имен беспрестанно вертелись и путались у них в голове, и, когда надо было позвать какого-нибудь ребенка, мужчины часто выкрикивали по три имени, прежде чем напасть на нужное.

Первую хижину, если подходить от курорта Роль-пор, занимала семья Тювашей, у которых было три девочки и один мальчик; в другой лачуге ютились Валены, имевшие одну девочку и трех мальчиков.

Обе семьи скудно питались похлебкой, картофелем и свежим воздухом. В семь часов утра, в полдень и в шесть часов вечера хозяйки созывали свою детвору, подобно тому как гусятницы скликают гусей, и кормили их похлебкой. Дети сидели в ряд, по старшинству, за деревянным столом, лоснившимся от пятидесяти лет службы. Перед малышами ставили миску с хлебом, размоченным в воде, в которой варились картофель, полкочна капусты да три луковицы, и ватага наедалась досыта. Младшего мать кормила сама. По воскресеньям, в виде праздничного угощения, все получали по куску говядины в мясном супе; отец в эти дни долго не вставал из-за стола, повторяя:

– Я не прочь бы каждый день так обедать. Однажды в августе,

после полудня, перед хижинами вдруг остановился легкий экипаж, и молодая женщина, правившая им, сказала сидевшему с ней рядом мужчине:

– О, Анри, взгляни на эту кучу детишек! Копшатся в пыли, но как они прелестны!

Мужчина ничего не ответил, привыкнув к этим проявлениям восторга, которые причиняли ему боль и звучали почти упреком.

Молодая женщина продолжала:

– Я должна их расцеловать! О, как бы мне хотелось иметь вот этого, самого маленького!

Выпрыгнув из экипажа, она подбежала к детям, взяла на руки одного из самых младших, мальчика Тювашей, и стала осыпать страстными поцелуями его грязные щечки, светлые худри, намаженные землей, ручонки, которыми он махал, отбиваясь от надоедливых ласк.

Затем женщина села в экипаж, и лошади помчались быстрой рысью. Но на следующей неделе она вернулась снова, уселась на землю среди детей, взяла малыша Тювашей на колени, начала пичкать его сладкими пирожками и оделила конфетами всех остальных детей; она играла с ними, как девочка, пока муж терпеливо ожидал ее, сидя в легком экипаже.

Несколько времени спустя она приехала снова, завела знакомство с родителями мальчугана и стала приезжать каждый день.

Карманы ее были всегда набиты лакомствами и мелкими деньгами.

Звали ее г-жа Анри д'Юбьер.

Как-то утром, когда она подъехала, муж вышел вместе с ней; не останавливаясь около малышей, которые теперь отлично их знали, они прошли в хижину.

Хозяева были заняты колкой дров; они в удивлении от прихода таких гостей выпрямились, подали стулья и стали ждать. Тогда молодая женщина дрожащим, прерывающимся голосом сказала:

– Добрые люди, я обращаюсь к вам... мне очень хотелось бы... очень хотелось бы увезти с собой вашего... вашего мальчика...

Крестьяне, оторопев и не зная, что ответить, молчали.

Она перевела дыхание и продолжала:

– У нас нет детей. Мы одни с мужем... Мы хотели бы взять его к себе... Не согласитесь ли вы на это?

Крестьянка начинала понимать. Она спросила:

– Вы хотите взять у нас Шарло? ну, уж нет, будьте уверены.

Тут вмешался г-н д'Юбьер:

– Жена моя неясно выразилась. Мы хотим его усыновить, но он будет приезжать видеться с вами. Если он оправдает наши надежды, чему есть основание верить, то он станет нашим наследником. Если у нас появятся дети, он получит равную с ними долю. Но если он не оправдает наших забот, то, по достижении им совершеннолетия, мы дадим ему капитал в двадцать тысяч франков, который будет теперь же положен на его имя у нотариуса. А так как мы подумали и о вас, то и вы будете получать пожизненно ежемесячную ренту в сто франков. Вы понимаете нас?

Крестьянка поднялась, взбешенная:

– Вы хотите, чтобы я продала вам Шарло? Ни за что! Нельзя этого требовать от родной матери! Ни за что! Это было бы гнусностью!

Крестьянин степенно и задумчиво молчал, но все время утвердительно кивал головой, соглашаясь с женой.

Растерявшаяся г-жа д'Юбьер принялась плакать и, обращаясь к мужу, пролепетала, всхлипывая, как ребенок, все желания которого обычно исполняются:

– Они не хотят, Анри, не хотят!

И они сделали последнюю попытку:

– Но, друзья, подумайте о будущем ребенка, о его счастье, о...

Вышедшая из себя крестьянка прервала их:

– Все мы видим, все понимаем, все порешили... Убирайтесь, и чтобы я вас тут больше не видела! Где это слыхано, чтобы так отнимали детей!

Уходя, г-жа д'Юбьер вспомнила, что малышей двое, и спросила сквозь слезы, с упорством избалованной и своевольной женщины, не привыкшей просить:

– А другой мальчик ведь не ваш?

Тюваш-отец ответил:

– Нет, это соседский, можете зайти к ним, если хотите.

И он вернулся в дом, откуда раздавался негодующий голос его жены.

Валены, муж и жена, сидели за столом и медленно жевали ломти хлеба, бережно намазывая их маслом, которое брали на кончик ножа с тарелки, стоявшей перед ними.

Г-н д'Юбьер обратился к ним с тем же предложением, но на этот раз более вкрадчиво, с большими ораторскими предосторожностями, более искусно.

Крестьяне мотали головою в знак отказа, но, узнав, что они стали бы получать по сто франков ежемесячно, переглянулись, как бы советуясь взглядом, и сильно взволновались.

Они долго молчали, охваченные беспокойством, колеблясь.

Наконец жена спросила:

– Что ты на это скажешь, отец?

Он проговорил наставительно:

– Скажу: об этом стоит подумать.

Тогда г-жа д'Юбьер, трепеща от ожидания, заговорила о будущем ребенка, о его счастье, о денежной помощи, которую он окажет им впоследствии.

Крестьянин спросил:

– А ренту в тысячу двести франков вы внесете нотариусу?

Г-н д'Юбьер отвечал:

– Разумеется, завтра же.

Крестьянка, пораздумав, сказала:

– Сто франков в месяц мало за то, что вы отнимаете у нас ребенка; через несколько лет он уже сможет работать; нам бы сто двадцать франков.

Г-жа д'Юбьер, дрожа от нетерпения, немедленно согласилась и, намереваясь взять ребенка с собой, дала еще сто франков в виде подарка, пока ее муж писал условие. Мэр и сосед-крестьянин, позванные тотчас же, охотно согласились быть свидетелями.

И молодая женщина, сияя, увезла с собой ревущего малыша, как увозят из магазина желанную безделушку.

Муж и жена Тюваши, стоя на пороге, смотрели вслед отъезжающим, молчаливые, суровые и, быть может, сожалея о своем отказе.

О маленьком Жане Валене ничего больше не было слышно. Родители его каждый месяц получали у нотариуса свои сто двадцать франков и были в неладах с соседями, так как тетка Тюваш поносила и позорила их, не переставая твердить всем и каждому,

что надо быть выродками, чтобы продать родного ребенка, что это ужас, гнусность, разврат.

Порою она чванливо брала на руки своего Шарло и кричала, словно он мог ее понять:

– Я-то вот тебя не продала, моя крошка, не продала! Я-то не торгую детьми! Я небогата, но детей не продаю!

И это повторялось ежедневно в течение многих лет; ежедневно с порога хижины выкрикивались грубые намеки, так чтобы их слышно было в соседней лачуге. В конце концов тетка Тюваш вообразила себя выше всех в округе из-за того, что не продала Шарло. И когда кто-нибудь говорил о ней, то обычно прибавлял:

– Знаю, что это было заманчиво, но все-таки она поступила, как честная мать.

Ее ставили в пример; и Шарло, которому было уже восемнадцать лет и который вырос с этой мыслью, беспрестанно ему внушаемой, также считал себя выше товарищей потому, что не был продан.

Валены благодаря ренте жили припеваючи. Старший сын их отбывал воинскую повинность, второй умер.

Злоба Тювашей, живших по-прежнему в бедности, была поэтому неутолимой. Шарло был единственным помощником старика-отца и надрывался вместе с ним, чтобы прокормить мать и двух младших сестер.

Ему исполнился двадцать один год, когда однажды утром перед хижинами остановилась щегольская коляска. Из нее вышел молодой господин с золотой цепочкой от часов и подал руку пожилой седой даме. Дама сказала:

– Вот здесь, дитя мое, второй дом.

И он вошел в лачугу Валенов, словно к себе домой.

Старуха-мать стирала свои фартуки; дряхлый отец дремал у очага. Оба они подняли головы, когда молодой человек сказал:

– Здравствуй, папа; здравствуй, мама!

Старики выпрямились в испуге. Крестьянка от волнения уронила в воду мыло и шептала:

– Так это ты, сынок? Так это ты, сынок?

Он заключил ее в объятия и расцеловал, повторяя: «Здравствуй, мама!» Тем временем старик, весь дрожа, говорил спокойным

тоном, который ему никогда не изменял: «Вот ты и вернулся, Жан», – как будто расстался с ним всего лишь месяц назад.

Когда они освоились друг с другом, родители пожелали сейчас же пойти с сынком по деревне, чтобы всем его показать. Его повели к мэру, к кюре, к учителю.

Шарло, стоя на пороге своей лачуги, видел, как они проходили мимо.

Вечером, за ужином, он сказал отцу:

– Как могли вы быть такими дураками, что дали взять мальчишку у Валенов?

Мать отвечала упрямо:

– Я не хотела продавать своего ребенка.

Отец не говорил ничего. Сын продолжал:

– Какое несчастье, что меня принесли в жертву!

Тогда старик Тюваш сердито возразил:

– Ты еще будешь упрекать нас, что мы тебя не отдали!

Парень сказал грубо:

– Да, буду, потому что вы дураки! Родители вроде вас – несчастье для детей. Вы заслуживаете того, чтобы я ушел от вас.

Старушка плакала над своей тарелкой, Хлебая ложкой суп и проливая при этом половину, она простонала:

– Вот и надрывайся после этого, чтобы вырастить детей!

Тогда парень жестоко выкрикнул:

– Лучше бы мне и вовсе не родиться, чем быть таким, каким я стал! Когда я увидел сейчас того, вся кровь во мне застыла. Я подумал: вот каким бы я мог быть теперь.

Он поднялся.

– Послушайте, я чувствую, что мне лучше уехать отсюда, потому что я целые дни буду упрекать вас с утра до ночи и отравлю вам жизнь. Знайте, этого я вам никогда не прощу!

Старики молчали, убитые горем, в слезах.

Он продолжал:

– Нет, думать об этом слишком тяжело. Я лучше пойду зарабатывать хлеб в другом месте.

Он отворил дверь. Ворвался шум голосов. Это Валены пировали по случаю возвращения сына.

Тогда Шарло топнул ногой и, обернувшись к родителям, крикнул:
– Черт с вами, мужичье!
И исчез в темноте.

* * *

Напечатано в «Голуа» 31 октября 1882 года.

Октав Мирбо (1848 – 1917) – французский писатель, романист и драматург, участник кружка молодых последователей Золя. Много работал в журналистике. К концу жизни Мопассана его отношения с Мирбо испортились, и некоторые высказывания Мирбо о нем носят недоброжелательный характер.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некаýаlar